

НОВОГОДНИЙ
ГОСТЬ «ОК»
НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР
А.Д. ПАПАНОВ

ЕСТЬ ТАКАЯ ДЕРЕВНЯ ПАПАНОВКА

Шел дождь, мелкий моросящий, неожиданный декабрьский дождь. На так называемой Театральной, а официально — площади Маяковского, налево от станции метро стояли толпы — сотни людей разных возрастов, профессий, а больше всего молодых и студентов, в ожидании, наивном и для большинства уже бесплодном «лишнего», случайного и такого желанного билетика в театр сатиры.

Отчаявшись «поймать» неуловимого актера в театре, на «Мосфильме», дома, мы ожидали его у служебного входа в театр, куда он непременно должен был подойти сегодня вечером — ведь сегодня «Таблетка под язык», а значит, сегодня он играет. Он чуть позже других, даже не пришел, а появился, вырос откуда-то. И когда мы преградили ему путь, неуклонные в своем желании наконец-то договориться о встрече, он неожиданно и от неожиданности взвыл голосом своего Волка, голосом таким знакомым и любимым миллионами нас.

— Лапочка, — воскликнул он, — мне ведь гримироваться!

Это был нечестный с нашей стороны прием — обращаться к актеру с просьбой, даже самой важной, самой новогодней, всего за двадцать минут перед началом спектакля. Но он, скрываясь за тяжелой дверью театра и обращаясь то ли к своей спутнице, то ли к нам, искренне и сокрушенно оправдывался:

— Подумают люди, что Папанов — хам, а мне ведь правда гримироваться надо.

А назавтра утром в маленькой актерской комнате, очень похожей на пассажирскую каюту современного корабля, между репетициями была эта встреча с Анатолием Папановым, артистом, который совсем недавно получил официальное звание народного артиста и который давным-давно, трудно даже сказать, с каких пор, стал по-настоящему народным, любимым, известным и совсем маленьким, и совсем старым людям. С актером, сыгравшим сто ролей только в театре Сатиры и сорок две роли только в кино, и сотни, сотни маленьких, больших, смешных и грустных — на телевидении, на радио.

Сегодня наш разговор почти не будет касаться этой работы — громадной, долголетней, разносторонней, продолжающейся. Ведь о Папанове-актере столько уже написано хорошего, и столько еще будет написано, и столько еще

надо написать, что, право, нам не хватит этого новогоднего номера. Разговор сегодня о детстве. О деревне, где родился отец, Дмитрий Филиппович Папанов, о деревне, в которой и сейчас много Папановых и, наверное, основанной кем-то из их рода: ведь не зря деревня называется Папановкой.

— Сам я родился в Вязьме, — вспоминает Анатолий Дмитриевич. Говорит он медленно, то и дело прислушиваясь к шуму репетиции: включен динамик, соединяющий комнату со сценой.

Он рос в самой простой, самой рабочей семье: отец — вначале токарь, а потом — военный, мама — рабочая на железной дороге. Детство, да и большая часть прожитой жизни это — большая семья в маленькой комнате, но семья дружная, где делят только любовь друг к другу, а не вещи и деньги, где самые уважаемые люди — это люди не обязательно рабочие, но обязательно и честно работающие. Он и сейчас (верно, семейная, детством воспитанная привычка) работает пятнадцать часов, а спит только пять из двадцати четырех, отпущенных, отмеренных и положенных человеку на одни сутки. Он и сейчас, где бы и что бы ни делал, поражает прежде всего своей честностью — это тоже семейное свойство характера. Почему мы так искренне смеемся над подырями, всякого рода проходчиками, которых играет Папанов? Да потому, что Папанов вкладывает в них всю силу своей ненависти к такого сорта героям. Почему мы так верим в честность и правоту лучших его образов? Да потому, что и Серпилин — одна из любимых его ролей в кино, и все, все они — честны, все — из жизни, все — из времени, потому что Папанов, как и все Папановы в семье, больше всего ценят и любят в мире и в людях — как раз те самые качества и свойства, которые и дороги нам в его героях.

Он плохо помнит Папановку детства: семья очень рано переехала в Москву. Зато он очень хорошо знает и любит сегодняшнюю деревню на Орловщине, где и сейчас живут Жорж и Леонид, родные братья, двоюродная сестра Мария, куда три — четыре раза в год не едет, а просто летит 82-летний Дмитрий Филиппович, который просто не может жить без Орловщины. Часто бывает здесь и первый в роду Папановых актер, правда, не так часто, как хотелось бы. И о чем бы ни говорили, какой бы

темы ни касались, разговор Анатолий Дмитриевич обязательно сводил к Орловщине. Скажет о любимых своих писателях Толстом и Чехове и добавит:

— Самое любимое место на земле — среднерусская полоса... Я бывал во многих странах, но ничего прекраснее не видел. Это ведь источник жизни, фантазии. Недаром Тургенев, Толстой так любили эти места... Ведь Орловская область черноземная, какие возможности для жизни обильнейшей!

Колхоз, где работают братья, называется «Обновленная земля». Сюда-то и приезжает каждое лето после поистине нечеловеческого ритма жизни Анатолий Дмитриевич. А так точно и любовно рассказывает о лесах, о тумане над озером, который соединяет поле и горизонт, об осени в этих краях — золотисто-желтой, теплой, щедрой, что я забываю о репетиции, которая прерывает эту встречу, о том, что рядом, за окном — суетливая, го-ворливая, спешащая по делам Москва.

А Папанов, вспоминая, по-видимому, что-то очень наболевшее, грустное, морщится, и в голосе его я слышу нотки металлические:

— Относятся, к сожалению, к этим местам подчас по-варварски. Ох, как мы должны с вами хранить и флору, и фауну наших родных мест...

Он хорошо помнит Орел, куда первый раз приехал перед войной вместе со своим другом Шуриком Астафьевым. Ох, как он в то время ему завидовал: с детства мечтал стать военным, как отец, а вот не получилось. Шурик — сам блеск, лейтенант, с кубиками на вороте, только окончивший Орловское бронетанковое училище, а он, Папанов — всего — навсего рабочий завода «Каучук». У Шурика впереди военные, полные романтики будни, а у него, Папанова, только и радости, что художественная самодеятельность.

Но началась война, и судьбы людей, стремившихся к разному, слились в одну военную судьбу поколения. Александр Астафьев погиб в бою в чине капитана. Он, Папанов, вынужден был — не хватало лет, проситься на фронт, в свободное от работы время читать раненым солдатам Чехова и Симонова. А потом — фронт и до той самой минуты, когда госпиталь признал его инвалидом.

Трудно сейчас сказать, когда — в бригаде ли самодеятельности, читая «Жди

меня...», или сам, очутившись в госпитале и слушая привирающий на басах баян, ощутил он весомость и ценность искусства в жизни самых простых людей, и главное — необходимость, внутреннюю потребность быть самому, пусть самым маленьким, простым, но проводником искусства.

Возможно, мысли об этом выражались в тот момент не так сложно и высоко, но чувство, заставившее человека, прошедшего войну, пойти поступать в театральный институт, — должны быть очень высокими, бескорыстными. Когда, уже после окончания института, его пригласили работать в Малый театр, он отказался и поехал работать в Клайпеду.

— Там я и сыграл Сергея Тюленина — одну из лучших тогда своих ролей, стало быть, был я еще совсем худеньким, совсем молодым...

Я представляю, каким был его, папановский, Сергей: ведь они земляки, орловцы. Наверняка ему было легко играть неугомонного, непоседливого, но честного и смелого Сергея, сорванца из Новосильской деревушки. И трудно, потому что очень больно, потому что за этой жизнью героя была настоящая, неприманная боль поколения, выстоявшего войну.

Я понимаю, откуда у Папанова такая искренняя боль за нашу природу, за нашу литературу, наше искусство. Я понимаю, почему Папанов с такой злостью говорит о «временках» — пьесах, книгах, написанных плохо, серо, вяло. Я понимаю, что движет его чувствами, когда он говорит о людях, не умеющих и не желающих жить честно.

Он-то знает цену настоящему труду, он-то сам понимает разницу между работой настоящей и видимостью работы.

Он работает.

А динамик объявляет репетицию второго акта новой пьесы. Папанову пора уходить. После репетиции будет работа на «Мосфильме», потом он поедет на радио, чтобы записать смешной рассказ, который мы с вами услышим уже в первый день нового года, потом — вечерний спектакль. Дома он будет только за полночь.

— Передай землякам, — это уже в вестибюле, куда он вышел проводить меня, — самого лучшего им в новом году...

Что я и делаю с великим удовольствием сегодня, в первый день только нарождающегося года.

В. ПОЧЕЧИКИН.

Москва.

Мелано читательница
Орловского комсомола
скажет, 390 рублей и 45 копеек
в работе с ноября 2004...
31/12/73